

Михаил СИВАНКОВ

Ленск

Михаил Семёнович Сиванков — член Союза писателей России. Родился 12 ноября 1969 года в городе Якутске. Публиковался в российских и республиканских журналах, таких как «Российский колокол» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Полярная звезда» (Якутск), «Байанай» (Якутск), «Родная Кубань» (Краснодар), «Подъём» (Воронеж), «Сибирь» (Иркутск), «Роман-газета» (Москва). Является автором художественного романа «По ту сторону», мистического рассказа о шаманах «Долган», повести «Степной ковыль».

ЗАПРОС

Уже третью неделю Андрей Марков осваивался в новой должности оперативника отдела контрразведывательных

операций промышленности и транспорта Федеральной службы безопасности по Республике Саха. По молодости и неопытности он грезил секретными операциями, разоблачениями, слежками. А что на деле? А на деле его усадили разбирать архивные документы! За одной кипой вырастала другая, за ней — третья, потом появилась картотека, которую следовало привести в алфавитный порядок. Возникло ощущение, что его специально перевели в отдел копаться в документах и перетряхивать архивы. Нет, он не сетовал на службу, но ему хотелось чего-то большего, серьёзного, ответственного...

Вечером в кабинет зашёл начальник отдела и положил на стол Маркову лист бумаги.

— Андрей, тут из столицы пришёл запрос, нужно пробить человека: не проходил ли он или его родные по нашим учёткам. Столичные чекисты проволочек не любят, так что постарайся не затягивать! Сам понимаешь, у меня сейчас свободных людей нет, все оперативники на задании, так что, кроме тебя, и доверить некому! Заодно и развеешься от архивной пыли! — начальник с улыбкой хлопнул ладонью по пожелтевшим папкам. — Ну, дерзай, лейтенант!

Оперативное задание, или, как говорили по-простому, запрос, на некоего Шубина Игоря Сергеевича пришёл из Москвы буквально пару часов назад. Обычно запросы такого рода направляют для проверки чиновников, которых рекомендуют на высокопоставленные должности. В этом случае тщательно проверяются родственные связи фигуранта. В запросе на данного человека коротко указывались исходные данные: дата рождения — 11 августа 1938 года, уроженец города Алдана, с 1940 года воспитывался в Алданском детском доме, по окончании профтехучилища выехал на ПМЖ в Московскую область, где, по всей видимости, и выстроил успешную карьеру. Но Москву больше интересовали родители фигуранта, сведения о которых практически отсутствовали: мать — Чередниченко Лариса Савельевна, 1907 года рождения, в графе «отец» — прочерк. В целом информация довольно скудная, но для того и существует ФСБ со своими неограниченными ресурсами, чтобы откопать всю подноготную человека.

С утра Марков направился в загс города Якутска. Взглянув поверх очков на его удостоверение, пожилая женщина интеллигентно качнула головой:

— Всё понятно! Что конкретно вас интересует, молодой человек?

Марков изложил ей суть вопроса, а в довершение добавил, что это дело особой важности.

— А у вас разве по-другому бывает? — с иронией произнесла женщина и добавила: — Ну-с, пойдёмте.

Опыт работы с архивными материалами пошёл на пользу: теперь Марков умело управлялся с картотекой. А вот и Чередниченко Лариса Савельевна, 1907 года рождения, числилась рабочей в артели «Пролетарка».

«Негусто!» — с досадой подумал Марков.

Теперь предстояло пересерстить старые архивы НКВД. Двое суток кропотливой работы утешительных результатов не дали: ни один из Шубиных в картотеке не мог являться ни отцом, ни близким родственником фигуранта. Да и сведений о Ларисе Чередниченко, матери Шубина, было немного: «Из семьи раскулаченных, выслана на спецпоселение в Алданский район в начале тридцатых». И всё!

«Опять тупик! — приуныл лейтенант. — Нет никакой достоверной информации, которая бы вывела на родного отца Шубина! Видимо, без помощи коллег из Алдана не обойтись».

За окном уже темнело, когда Марков набрал номер Алданского отделения ФСБ и попросил о помощи.

— Не вопрос! — отозвался оперативник на другом конце провода. — Отправляй данные, как отработаю — сообщу!

Только на третий день пришёл ответ из Алдана. Судя по предоставленному отчёту, местному оперативнику пришлось изрядно попотеть, чтобы добыть нужные сведения.

Во-первых, он отыскал работника детского дома Тамару Ильиничну Сомову, женщину преклонных лет, которая давно переехала в другой город на ПМЖ. Услышав по телефону, о чём идёт речь, она с радостью согласилась помочь! Старушка хорошо помнила мальчика по фамилии Шубин и в подробностях поведала его историю: «Худенький мальчик с фамилией Сунь Шу-бин поступил в детдом в мае тысяча девятьсот сорокового года. Привезла его пожилая, хорошо одетая,

интеллигентная женщина. Ничего не объясняя, она вручила метрики на ребёнка и удалилась. В документах родителями значились Лариса Савельевна Чередниченко и Сунь Шу-бин, гражданин Китая. Через знакомых в управлении артелей мы узнали, что мать в последнее время работала уборщицей в Алданском НКВД. Знать, что творится за стенами этого учреждения, не позволялось никому, кроме тех, кто носил синые петлицы. А задавать вопросы работникам наркомата внутренних дел, как вы понимаете, в то время было небезопасно, поэтому поиски мы решили прекратить, а ребёнка приняли на общих основаниях как сироту. В конце тридцатых НКВД на приисках проводил массовые чистки. Первым делом взялись за китайцев. Все работники детского дома это знали, поэтому переживали за сироту! Чекисты часто просматривали дела наших подопечных и мы опасались, что фамилия может навредить ребёнку. Тогда наша заведующая и решила убрать первую часть фамилии, а „Шу-бин“ написать слитно. Вот так и появился в нашем детдоме новый мальчик Игорь Шубин!»

Во-вторых, среди артельных архивов оперативник раскопал чудом сохранившуюся личную карточку с данными матери Шубина.

Лариса Чередниченко — дочь зажиточных крестьян Курской области. В начале тридцать первого года семья была раскулачена и выслана на спецпоселение в Алданский район Якутии. Во время этапирования мать Ларисы умерла от пневмонии. По прибытии семья Чередниченко (отец и три его дочери) числилась за спецкомендатурой и была приписана к прииску «Незаметный». В 1936-м Лариса переведена на прииск «Пролетарка». В 1937-м Чередниченко сожительствовала с Сунь Шу-бином, гражданином Китая, местным старателем. В марте тридцать восьмого он был арестован по обвинению в шпионаже и уже в мае осуждён и этапирован в трудовой лагерь. А в августе тридцать восьмого Лариса Чередниченко родила сына и переехала в Алдан.

Оперативник поднял архив НКВД и тщательно изучил дело Сунь Шу-бина, гражданина Китая, старателя прииска «Пролетарка» Алданского района Якутской АССР. В материалах значилось: «Родился в китайской провинции Шаньдун в 1898 году, в семье бедняка». Из протокола допроса задержанного: «Жить

было трудно, мы часто голодали по несколько дней, хотя работали с утра до вечера за жалкие крохи со стола богатеев. Как-то вечером к нам в хижину заглянул знакомый отца. Увидев наше бедственное положение, он предложил отцу приличный заработок. Но перед тем предупредил, что это не совсем законное занятие, но очень прибыльное! Прежде нужно пройти через горный перевал Джугджурского хребта в Россию. Выбора не было, мы едва сводили концы с концами. Отец ушёл с приятелем ранней весной, до ноября от него не было вестей. Мать уже всякое передумывала: что их засыпало снежной лавиной, замёрзли, сорвались с обрыва!.. Но, вопреки нашим страхам, отец вернулся — живой, здоровый и с золотом! Вечером родитель собрал нас у очага и долго рассказывал, как он добывал золото в якутской тайге, обещал, что мы никогда больше не будем голодать! На вырученные деньги мать пополнила припасы, прикупила новую одежду. С той поры отец каждую весну уходил за Джугджур. Наша семья заметно поправила свои дела, отца стали уважать, многие напрашивались к нему в напарники, но он ни с кем не желал делиться своими секретами. Мне было лет двенадцать, когда отец подозвал меня: осмотрел, ощупал мышцы и сделал заключение, что я вполне взрослый, чтобы самостоятельно зарабатывать. В следующий сезон он взял меня с собой мыть золото. Долгое время мы добывали его на золотых реках без всякого страха, но вскоре всё изменилось: за старателями открылась настоящая охота! Хунхузы ждали золотарей на перевалах, тропах, грабили и убивали целыми группами! На реках стало не менее опасно: там промышляли разбоем беглые каторжане и бандиты. Чтобы не стать их добычей, нам поневоле пришлось наниматься в артели, которых становилось всё больше. Год за годом мы проделывали долгий и опасный путь, а в один из переходов отец сильно заболел и умер. Очень скоро пришла Советская власть. Чекисты стали отлавливать и арестовывать всех, кто приходил из-за Джугджура, и я по воле судьбы остался в Алданском районе, вдали от матери и сестёр».

Марков дочитал последнюю страницу — признание Сунь Шу в шпионаже с изобличением сообщников. Хотел уже закрыть дело, как в глаза бросился список, в котором значилось: «На основании постановления Особого совещания при НКВД СССР в мае 1938 года были осуждены граждане

Китая по статье 58-6 УК РСФСР». Напротив каждой фамилии — название прииска: Нимчеркан, Джеконда, Орочон, Малый Куранах, Коса, Лебединый, Самодумовский.

Телефон неожиданно зазвонил. Оперативник поднял трубку:

— Марков на связи!

— Товарищ лейтенант, — послышался голос дежурного. — Вам из Алдана звонят, говорят, вы должны знать, по какому поводу.

Оперативник перешёл в кабинет и поднял трубку:

— Марков слушает!

— Доброго вечера коллегам! — отозвались на том конце провода. — Я по поводу твоего Шубина. Знаешь, есть личная информация. Правда, к делу это не пришьёшь, но если интересно...

— Интересно! — поспешил ответить Марков. — Очень интересно!

— А я в вас не ошибся! Помнишь старушку, которая в те годы работала в детском доме? Так вот, я уже собирался идти, а она мне лукаво так вслед: «Что, молодой человек, так и уйдёте, не узнав, чем закончилась эта история?» Я, конечно, заинтересовался. «А что, — спрашиваю, — разве было что-то ещё?» — «Конечно! — загадочно улыбнулась она. — Как-то ночью в моё дежурство к нашему детдому подъехал автомобиль, из него вышел высокий офицер, молодой, красивый, ну просто глаз не отвести, и к нам! Чем, спрашиваю, могу помочь? Он показал удостоверение и попросил список наших детей. Долго его изучал, потом обратился ко мне: „Это всё?“ Всё, отвечаю, здесь полный список! А он не успокаивается: „Полгода назад к вам должен был поступить Сунь Шубин, а в списках его нет!“ У меня сердце зашло: ну всё, донесли на нашу заведующую, жаль её, добрейшая женщина! Но, думаю, доиграю до конца, а там будь что будет! Не было, говорю, мальчика с такой фамилией: может, и поступал, но отправили в другой приют! Он посмотрел на меня пристально и вышел». — «Это всё?» — спрашиваю. А бабуля опять улыбается: «За исключением одной маленькой детали! В автомобиле я разглядела молодую женщину! Она выскочила из машины навстречу офицеру, потом вдруг закрыла лицо

руками, вроде как плачет. Чекист огляделся опасливо так, обнял её и усадил обратно». Может быть, тебе эта информация пригодится, — воодушевлённым голосом произнёс оперативник из Алдана. — В нашем деле мелочей не бывает!

— Огромное спасибо, что позвонил!

Свой срок Шу-бин так и не досидел: в 1943 году он скончался от туберкулёза в одном из якутских лагерей. Дальнейшую судьбу Ларисы Савельевны так и не удалось проследить.

Кто знает, может, лагерная участь обошла её стороной, а может, нашёлся человек в НКВД, который помог бедной женщине. Так это было или иначе — теперь уже не узнать.

Андрей открыл форточку; холодный сентябрьский ветер влетел с улицы, пролистнул страницы раскрытого на столе дела. Работа была закончена, материал подшит и готов к отправке.

Ленск, 2021